

После чего, драгоценнейший мой брат, я призываю тебя соблюдать осторожность и советую не забывать о стрелах Рамнунтской девы. Прочти, прошу тебя, «Об излечении прихотей Фортуны», которое, как отец детям, оставил нам славнейший из философов – Сенека. И да сохранится затем в памяти твоей следующее изречение: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое».

IV

Маркизу Мороелло Маласпина

[Пишет Данте господину Мороелло маркизу Маласпина.]

Дабы для моего господина не остались неизвестными узы, обретенные его слугою, и полная неожиданность овладевшего им чувства, а также дабы другие вещи в искаженном виде (что нередко является источником ложных представлений) не заставили его подумать, будто слуга его попал в плен чуть ли не по беспечности, – мне показалось, что следует представить взору Вашей Светлости текст настоящего письма. Итак, после того, как я покинул Ваш дом, по которому так тоскую и где (как Вы неоднократно с радостью говорили) мне было позволено делать что я хотел, едва я ступил совершенно уверенно и не соблюдая осторожности на берег Арно, тотчас же, увы, словно упавшая с неба молния, предо мною возникла, не ведаю каким образом, некая дама, и своим обхождением и внешностью близкая моим чаяниям. О, как поразило меня ее появление! Но грянул страшный гром – и изумление кончилось. Ибо подобно тому, как блеск молнии среди ясного неба непременно сопровождается громом, страшная и властная сила Амора овладела мною, едва я увидел блеск ее красоты. И этот жестокосердный, словно изгнанный из отечества господин, который после долгого изгнания возвращается в свои владения, все то, что было во мне противно ему, обрек либо смерти, либо изгнанию, либо цепям. Он положил конец похвальным моим намерениям, ради которых я чуждался и дам, и песен о них; он безжалостно лишил меня, как чуждых ему, тех постоянных раздумий, которые помогали мне исследовать и небесные, и земные предметы; и наконец, дабы душа моя не восстала против него, сковал мою волю и принуждает меня делать не то, что угодно мне, а то, что ему угодно. И во мне царит Amor, и, никакие силы не осмеливаются противиться ему; и о том, как он правит мною, Вы сможете найти ниже, за пределами данного письма.

V

Правителям и народам Италии

Всех и каждого в отдельности королей Италии и сенаторов славного Города, а также и герцогов, маркизов и графов и народы – смиренный италиец Данте Алигьери, флорентиец и безвинный изгнанник, молит о мире.

Вот теперь время благоприятное, несущее многообещающие признаки утешения и мира, ибо занимается новый день, являя над кручами востока зарю, которая рассеивает мрак столь долгих злосчастий, и вот уже веяния с востока доносятся непрерывно: алеет небо по краям и сладостной безоблачностью укрепляет человеческие надежды. Следовательно, и мы узрим желанное счастье, – мы, прошедшие долгое время в ночной пустыне, ибо взойдет титан-миротворец и с первыми его лучами воспрянет справедливость, что, подобно подсолнуху, чахла без солнца. Все страждущие от голода и жажды насытятся в свете его лучей; а те, кому любя несправедливость, придут в замешательство перед его сияющим ликом. Ибо наострил сострадательные уши сильный лев племени Иуды, и сжалился, услышав вой всеобщего рабства, и создал нового Моисея, который вырвет свой народ из-под гнета египтян и поведет его в землю, где течет молоко и мед.

Возрадуйся отныне, о Италия, ты, которая даже у сарацин способна вызывать сострадание; скоро ты станешь предметом зависти всех стран, ибо жених твой, утешение Вселенной и слава